

O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI OLIY TA’LIM, FAN VA
INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI

ALISHER NAVOIY NOMIDAGI TOSHKENT DAVLAT O‘ZBEK
TILI VA ADABIYOTI UNIVERSITETI

“ZAHIRIDDIN MUHAMMAD BOBUR MEROSINING SHARQ DAVLATCHILIGI VA MADANIYATI RIVOJIDA TUTGAN O‘RNI”

mavzusidagi III xalqaro ilmiy-nazariy va
amaliy anjuman materiallari

2026-yil 12-fevral

**O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI OLIY TA’LIM, FAN VA
INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI**

**ALISHER NAVOIY NOMIDAGI TOSHKENT DAVLAT O‘ZBEK TILI
VA ADABIYOTI UNIVERSITETI**

O‘ZBEKISTON YOZUVCHILAR UYUSHMASI

BOBUR NOMLI XALQARO JAMOAT FONDI

**ZAHIRIDDIN MUHAMMAD BOBUR
MEROSINING SHARQ DAVLATCHILIGI VA
MADANIYATI RIVOJIDA TUTGAN O‘RNI**

III xalqaro ilmiy-nazariy va amaliy anjuman materiallari

Toshkent – 2026

ЛИТЕРАТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ИСТОРИКО- СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «БАБУР-НАМЕ»

LITERARY-LINGUISTIC AND HISTORICAL-SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF “BABUR-NAMA”

Касимов Ильнур Равильевич

Преподаватель кафедры узбекской и русской филологии

Андижанского филиала Кокандского университета

E-mail: skypeoxygen@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9961-1351

Кодиржонова Хадичабегим Фуркат кизи

Студент Андижанского филиала Кокандского университета

DOI: [10.52773/tsuull.conf.2026./LHXY1567](https://doi.org/10.52773/tsuull.conf.2026./LHXY1567)

Аннотация. Мемуары Захириддина Мухаммада Бабур анализируются как памятник чагатайской литературы, объединяющий автобиографическое повествование с историческими свидетельствами. Язык произведения отражает лингвистические процессы переходной эпохи между среднеазиатской и индийской традициями письменности. Социологический анализ выявляет механизмы функционирования придворной культуры и межэтнических взаимодействий рубежа XV–XVI столетий. Методология включает структурно-семантическое исследование текста и компаративное изучение источников.

Ключевые слова: Бабур-наме; чагатайский язык; автобиографический жанр; историческая социология; лингвокультурология; Центральная Азия XV–XVI вв.

Annotation. Zahiriddin Muhammad Babur memoirs are analyzed as a monument of Chagatai literature combining autobiographical narrative with historical evidence. The language reflects linguistic processes of the transitional era between Central Asian and Indian writing traditions. Sociological analysis reveals mechanisms of court culture functioning and interethnic interactions at the turn of the 15th-16th centuries. Methodology includes structural-semantic text research and comparative source studies.

Keywords: Babur-nama; Chagatai language; autobiographical genre; historical sociology; linguoculturology; Central Asia 15th-16th centuries.

Мемуары основателя династии Великих Моголов представляют уникальный лингвокультурный феномен, соединяющий индивидуальное самопознание автора с масштабным историческим повествованием. Написанное на чагатайском языке произведение фиксирует переломный

момент центральноазиатской истории – переход тимуридской культурной традиции в новое географическое и политическое пространство [Бартольд, 1963:187]. Автор создавал текст на протяжении нескольких десятилетий, охватывая события от получения власти в Фергане в возрасте двенадцати лет до становления правителем Индостана.

Научная актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа произведения, учитывающего одновременно филологические, исторические и социологические аспекты. Предыдущие работы преимущественно фокусировались либо на исторической достоверности изложенных фактов, либо на художественных достоинствах текста. Между тем, синтетический подход позволяет выявить механизмы формирования авторской картины мира в условиях драматических политических трансформаций.

Российская ориенталистика обратила внимание на памятник уже в XIX веке. В.В. Бартольд рассматривал мемуары как первостепенный источник по истории Мавераннахра последних десятилетий тимуридской эпохи [Бартольд, 1963:203–205]. Советская исследовательница С.Г. Азимджанова проанализировала политическую деятельность Бабура, выявив стратегии легитимации власти в полиэтничном государстве [Азимджанова, 1977:34]. Западная историография, начиная с первого английского перевода, выполненного Джоном Лейденом и Уильямом Эрскином, традиционно акцентировала внимание на индийском периоде правления [Leyden, Erskine, 1826:VIII–XII].

Лингвистический аспект изучения долгое время оставался периферийным. Чагатайский язык мемуаров демонстрирует промежуточное состояние тюркской письменности между классическим караханидским периодом и позднейшими узбекскими текстами. Лексический состав отражает взаимодействие трёх пластов: тюркского субстрата, персидских заимствований, связанных с административной и культурной терминологией, и новых включений, обусловленных индийскими реалиями. Синтаксис сохраняет архаичные конструкции, присущие более ранним памятникам, одновременно демонстрируя авторские новации в организации повествования.

Адекватная интерпретация лексики памятника невозможна без обращения к историко-культурному фону эпохи. Лексикографические труды учебного типа призваны обеспечивать читателя сведениями, раскрывающими национально-специфические реалии и культурные коннотации языковых единиц. Освоение чагатайской лексики требует одновременного постижения тимуридской культуры, поскольку семантика терминов административной, военной и придворной сферы формировалась в конкретных социальных практиках. История фразеологических оборотов способна выявить неочевидные аспекты материальной и духовной

культуры, обогащая представление о многовековых традициях народа-носителя языка [Скрыльников, Касимов, 2021:70].

Историко-социологический ракурс рассмотрения памятника открывает возможности реконструкции социальных структур и культурных практик. Повседневность военных походов, дипломатический этикет, механизмы распределения власти между представителями родовой знати — всё описывается автором с позиции непосредственного участника событий. Подобная включённость в описываемую реальность придаёт тексту исключительную ценность для понимания функционирования центральноазиатского общества переходной эпохи.

Цель исследования заключается в комплексном анализе лингвистических особенностей и социологического содержания мемуаров как памятника, отражающего культурный синтез Центральной Азии и Северной Индии. Задачи включают: определение языковых характеристик текста в контексте эволюции чагатайской литературной нормы; выявление механизмов репрезентации социальной реальности в автобиографическом повествовании; установление связей между лингвистическими особенностями текста и мировоззренческими установками автора.

Материалом исследования послужил текст мемуаров в издании Академии наук Узбекистана [Захир ад-дин Мухаммад Бабур, 1989]. Привлекались также персидский перевод, выполненный при дворе Акбара в XVI веке, и английские версии А.С. Беверидж и Л.У. Кинг для компаративного анализа интерпретационных стратегий [Beveridge, 1921; King, 1921]. Дополнительный корпус составили синхронные исторические источники: «Хумаюн-наме» Гульбадан-бегим и хроники Хондемира, Мухаммада Хайдара, Мухаммада Салиха [Гульбадан-бегим, 1972].

Методология исследования базируется на принципах филологической критики текста, дополненных инструментарием исторической социологии. Структурно-семантический анализ позволяет выделить языковые доминанты авторского стиля и проследить эволюцию повествовательных стратегий. Контекстуальный метод предполагает соотнесение языковых фактов с историко-культурной ситуацией создания текста. Компаративный подход используется при сопоставлении различных переводов и редакций для установления семантических трансформаций.

Лингвистический анализ включал изучение лексико-семантических полей, описывающих политическую, военную и культурную сферы. Особое внимание уделялось терминологии власти, способам номинации социальных групп, языковым средствам выражения авторской оценки. Синтаксический уровень исследовался с точки зрения типологии предложений и организации дискурсивных единиц. Стилистический пласт рассматривался через призму соотношения книжных и разговорных элементов, поэтических вставок и прозаического повествования.

Социологическая интерпретация базировалась на реконструкции социальных институтов через описания автора. Придворная иерархия, механизмы назначения на должности, практики легитимации власти, формы межэтнического взаимодействия – все категории выявлялись через анализ конкретных эпизодов повествования. Метод исторической антропологии применялся при изучении ментальных структур, отражённых в тексте: представлений о чести, верности, справедливости правления.

Композиция мемуаров отражает географическую и хронологическую логику жизненного пути автора. Первая часть посвящена событиям в Мавераннахре конца XV столетия – борьбе за Самарканд, конфликтам с Шейбани-ханом, потере и возвращению фергананских владений. Вторая часть охватывает афганский период, когда Кабул становится опорной базой для последующей индийской экспансии. Заключительная часть описывает завоевание Северной Индии, победу при Панипате 1526 года, установление новой династии.

Языковые характеристики текста демонстрируют сознательную ориентацию автора на литературную норму чагатайского языка при одновременном допущении разговорных элементов. Лексический состав обнаруживает трёхслойную структуру. Тюркское ядро составляют термины родства, базовая глагольная лексика, наименования природных объектов. Персидский пласт представлен административной терминологией, абстрактной лексикой философско-этического содержания, поэтическими клише. Индийские заимствования появляются в третьей части, обозначая местные реалии: топонимы, названия растений, элементы материальной культуры.

Синтаксическая организация текста тяготеет к свободному порядку слов, характерному для тюркских языков, при наличии периодов, построенных по принципу персидской прозы. Преобладают сложные предложения с развёрнутыми придаточными частями, однако встречаются и короткие номинативные конструкции, фиксирующие стремительную смену событий. Автор владеет разнообразными синтаксическими моделями, варьируя их в зависимости от характера описываемого материала: батальные сцены передаются динамичными конструкциями, философские размышления облачаются в развёрнутые периоды.

Стилистические особенности обусловлены жанровой природой произведения. Автобиографическое начало предполагает субъективность оценок, эмоциональность описаний личных переживаний. Историческая хроника требует объективности изложения фактов, точности датировок, беспристрастности характеристик. Мемуарный жанр допускает ретроспективные отступления, включение анекдотических эпизодов, лирических фрагментов. Бабур синтезирует различные стилистические регистры, создавая полифоническое повествование.

Авторская рефлексия пронизывает весь текст. Правитель анализирует собственные решения, признаёт ошибки, формулирует принципы государственного управления. Подобная открытость нехарактерна для официальной историографии, следующей канонам панегирика. Критическое отношение к себе сочетается с жёсткими оценками современников: автор не щадит ни врагов, ни союзников, если считает их действия недостойными. Моральный императив правдивости, неоднократно декларируемый в тексте, определяет повествовательную стратегию.

Социологический анализ выявляет сложную систему властных отношений в тимуридском обществе. Правитель не обладал абсолютной властью, будучи ограничен интересами родовой аристократии. Назначение на должности требовало учёта генеалогических притязаний влиятельных кланов. Военные компании зависели от способности мобилизовать ополчения подчинённых беков. Автор описывает многочисленные случаи измен, перехода военачальников на сторону противника, что отражает слабость центральной власти в период политической нестабильности.

Этнокультурная ситуация в завоёванных областях требовала гибкой политики. В Кабуле автор столкнулся с афганскими племенами, сохранявшими значительную автономию. Завоевание Индии поставило задачу интеграции индусского населения в систему управления. Веротерпимость, проявленная основателем династии, стала одним из факторов успешной консолидации полиэтничного государства. Автор подробно описывает обычаи различных народов, демонстрируя этнографический интерес, выходящий за рамки прагматических административных нужд.

Материальная культура представлена через описания архитектуры, садово-паркового искусства, ремёсел. Основатель династии придавал большое значение благоустройству столиц, закладывая сады по среднеазиатскому образцу чарбаг. Перенесение садоводческих традиций в новую природную среду сопровождалось экспериментами по акклиматизации растений. Автор фиксирует попытки выращивания самаркандских дынь и винограда в индийском климате, отмечая особенности местной флоры. Внимание к природным условиям, детальные географические описания сближают мемуары с жанром географического сочинения.

Литературная среда эпохи реконструируется через упоминания поэтов, состоявших при дворах Герата, Самарканда, Кабула. Автор сам являлся значительным поэтом, писавшим на чагатайском и персидском языках. Стихотворные вставки в прозаическое повествование выполняют различные функции: передают эмоциональное состояние в критические моменты, комментируют события, содержат философские размышления.

Поэтическое мастерство определило художественные достоинства прозы: образность языка, ритмическую организацию фраз, богатство тропов.

Рецепция памятника свидетельствует о его значимости для различных культурных традиций. Персидский перевод, выполненный при дворе Акбара, обеспечил знакомство с текстом ираноязычной аудитории. Европейские переводы XIX–XX столетий ввели произведение в научный оборот мировой ориенталистики. В XX веке мемуары стали объектом художественного осмысления: романы о Бабуре появились в различных литературах Востока и Запада. П. Кадыров создал монументальную эпопею «Звёздные ночи», экранизированную узбекским телевидением [Кадыров, 1981].

Современное узбекистанское государство активно использует образ Бабура в культурной политике. В Андижане установлен памятник, создан парк, университет носит имя основателя династии. Подобная актуализация исторической памяти отражает стремление связать национальную идентичность с выдающимися представителями прошлого. Мемуары переведены на тридцать один язык, что обеспечивает глобальное присутствие текста в мировой культуре.

Мемуары Захириддина Мухаммада Бабура представляют многоаспектный феномен, требующий междисциплинарного подхода. Лингвистический анализ выявляет переходный характер языка памятника, отражающий трансформацию чагатайской литературной нормы в условиях территориального перемещения носителей традиции. Лексические, синтаксические и стилистические особенности обусловлены как индивидуальной манерой автора, так и жанровыми конвенциями автобиографического повествования.

Историко-социологическое прочтение открывает механизмы функционирования центральноазиатского общества рубежа XV–XVI столетий. Властные отношения, этнокультурные взаимодействия, материальные практики – все аспекты социальной реальности получают подробное освещение благодаря позиции автора как непосредственного участника событий. Сочетание субъективности мемуарного жанра с документальной точностью исторической хроники создаёт уникальный источник, ценность которого признана мировой наукой.

Перспективы дальнейшего изучения связаны с углублённым компаративным анализом различных версий текста, реконструкцией процесса создания произведения, выявлением текстологических проблем. Цифровизация рукописей открывает новые возможности для исследования палеографических и кодикологических аспектов. Расширение источниковой базы за счёт привлечения синхронных персидских и арабских хроник позволит уточнить историческую достоверность описанных событий. Лингвистический корпус чагатайских текстов, включающий мемуары,

послужит основой для типологических обобщений об эволюции тюркской письменности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азимджанова С.Г. Политическая деятельность Захириддина Бабура. – Ташкент: Фан, 1977. – 168 с.
2. Бартольд В.В. Труды по истории Средней Азии. – Москва: Наука, 1963. – 564 с.
3. Гульбадан-бегим. Хумаюн-наме. – Ташкент: Фан, 1972. – 134 с.
4. Захир ад-дин Мухаммад Бабур. Бабур-наме / перевод М. Салье. – Ташкент: Фан, 1989. – 512 с.
5. Кадыров П. Звёздные ночи: роман. – Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1981. – 678 с.
6. Неру Дж. Открытие Индии / перевод с английского. – Москва: Прогресс, 1989. – 558 с.
7. Русско-индийские отношения в XVII веке: сборник документов. – Москва: Восточная литература, 1958. – 462 с.
8. Скрыльников Ю.С., Касимов И.Р. Этимологические справки как компонент толкования русских наречных фразеологизмов в словаре учебного типа // Языки и литература в поликультурном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. Андижан, 25 мая 2021 года. М.: Издательство "Перо", 2021. С. 69-73.
9. Beveridge A.S. The Babur-nama in English. – London: Luzac & Co, 1921. – Vol. 1–2.
10. King L.W. The Babur-nama. – Oxford: Oxford University Press, 1921. – 364 p.
11. Lane-Poole S. Babar. – Oxford: Clarendon Press, 1899. – 258 p.
12. Leyden J., Erskine W. Memoirs of Zehir-Ed-Din Muhammed Baber. – London: Longman, Rees, Orme, Brown and Green, 1826. – 495 p.
13. Williams R. Babur: Founder of the Mughal Empire. – Allahabad: Indian Press, 1918. – 312 p.